

ГИБКОСТЬ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.Я. Варшавская

Кемеровский государственный университет

E-mail: varshavskaya@kemt.ru

Обоснована необходимость при расчете эластичности занятости в РФ учета изменения продолжительности рабочего времени. Предложена методика расчета эластичности занятости по совокупным затратам труда. Представлены оценки эластичности занятости в РФ, рассчитанной по численности занятого населения и по совокупным затратам труда.

Ключевые слова:

Рынок труда; занятость в РФ, гибкость занятости.

Численность занятых в экономике является одним из важнейших макроэкономических показателей и отражает величину совокупного спроса на труд. Именно поэтому понимание базовых процессов и тенденций в сфере занятости выступает необходимым условием для выработки эффективной экономической и социальной политики. Вместе с тем эволюция занятости в России в пореформенный период недостаточно изучена, а оценки ряда её ключевых характеристик и тенденций, в том числе сформировавшейся институциональной модели гибкости, противоречивы.

Цель статьи – представить результаты анализа гибкости занятости в России, полученные на основе оценок её эластичности, рассчитанных по численности занятого населения и по совокупным затратам труда. Для выявления особенностей российской модели гибкости занятости полученные оценки представлены в сравнении с аналогичными показателями стран Центральной и Восточной Европы, как и Россия осуществлявших трансформацию экономической системы.

Сильный макроэкономический шок, имевший место в начале переходного периода в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), вызвал значительное снижение занятости. Численность занятых во всей экономике уменьшилась в них на 10...30 %; в промышленном производстве – на 20...35 %. Снижение ВВП составило 25...33 % (нижняя точка); промышленного производства – 30...35 % (исключение составляет только Болгария и Румыния, в которых объемы промышленного производства упали примерно в два раза, т. е. в масштабах, сопоставимых с российскими). Соответственно, каждый процентный пункт уменьшения ВВП сопровождался снижением занятости на 0,6...1,1 пункта (в Венгрии этот показатель был экстремально большим – 1,6). Эластичность численности занятости в промышленности, рассчитанная по объему промышленного производства, составила 0,6...0,9. Т. е. динамика занятости как в целом в экономике, так и в промышленности достаточно плотно следовала за динамикой выпуска. Таким образом, занятость на этапе трансформационного кризиса в постсоциалистических странах продемонстрировала высокую гибкость.

В последующем, по мере восстановления ВВП, занятость стала расти, однако её эластичность по отношению к выпуску заметно снизилась – до 0,1...0,2. Исключение составляет только Болгария, где эластичность занятости была заметно выше – 0,35. В некоторых странах (например, в Польше и Чехии) численность занятого населения продолжала снижаться при росте ВВП. В целом в большинстве стран ЦВЕ занятость увеличилась незначительно, что дало основание экспертам говорить о росте экономики без роста занятости.

В России связь между динамикой ВВП и занятостью была, на первый взгляд, гораздо слабее. За 1991–1998 гг. ВВП сократился почти на 40 %, тогда как занятость согласно официальным оценкам, рассчитываемым на основе данных баланса трудовых ресурсов – на 14 %. По сравнению с другими постсоциалистическими странами эластичность занятости в российской экономике была в два и более раз ниже. В результате, относительные потери в численности работающего населения были в России меньшими по сравнению с другими переходными экономиками. Отметим, что происходило это на фоне большего по глубине и продолжительности трансформационного кризиса.

Эластичность занятости стала ещё более низкой после 1998 г., когда в экономике возобновился рост. Если ВВП в 2007 г. превышал уровень 1998 г. примерно на 83 %, то занятость, по официальным данным, была больше только на 6 %, т. е. на каждый пункт роста ВВП приходилось 0,07 пункта роста занятости. Иначе говоря, и в России весьма существенный рост экономики не привел к увеличению численности занятых, а сопровождался лишь её стабилизацией.

Однако, по нашему мнению, показатели, представленные выше, не в полной мере отражают реальную ситуацию, а в ряде случаев даже искажают её.

Во-первых, официальные оценки занятости, построенные по балансу трудовых ресурсов, могут сглаживать колебания её численности. Методология расчета численности занятых в рамках построения баланса трудовых ресурсов такова, что «и значительное падение занятости, и её быстрая экспансия недооцениваются; итоговые цифры как бы

«прижимаются» к значениям прошлого года» [1. С. 50]. Действительно, альтернативные оценки, рассчитанные по данным Обследования населения по проблемам занятости (ОНПЗ), проводимого Росстатом, дают как большее сокращение числа занятых в кризисный период – на 18 % (за 1992–1998 гг.), так и большее увеличение на этапе экономического роста – на 21 % (за 1998–2007 гг.). В результате показатели эластичности увеличиваются до 0,61 и 0,25 (соответственно). Следует подчеркнуть, что расчеты по странам ЦВЕ построены на данных, полученных в результате опросов рабочей силы. Таким образом, использование альтернативных оценок по ОНПЗ обеспечивает более корректную процедуру сравнения российских показателей эластичности с аналогичными показателями других постсоциалистических стран.

Во-вторых, процессы, характеризующие эволюцию и динамику занятости в секторальном (формальный/неформальный) и отраслевом разрезе, были качественно неоднородными, поэтому использование обобщенных показателей вряд ли правомерно.

Так, число занятых в секторе предприятий и организаций за 1991–1998 гг. сократилось на четверть, что почти в два раза больше, чем снижение занятости в целом по экономике. Практически в такой же мере (на 27 %) снизилась среднесписочная численность работающих на крупных и средних предприятиях, которые образуют ядро корпоративного сектора. Иначе говоря, на каждый процентный пункт снижения ВВП приходилось 0,6...0,7 пункта сокращения занятости. Подобная реакция на снижение объемов производства уже в большей мере соответствует показателям эластичности занятости относительно выпуска, наблюдавшимся в странах ЦВЕ в пореформенный период. На этапе роста экономики численность занятых в корпоративном секторе продолжала сокращаться, хотя и более медленными темпами, чем ранее: за период 1999–2006 гг. занятость в этом секторе уменьшилась ещё на 6 %. При этом рост ВВП составил за тот же период 59 %.

Полученные результаты не позволяют нам полностью согласиться с мнением экономистов из Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ г. Москва, которые утверждают, что «на протяжении *всего* переходного периода (*курсив наш – В.Е.*) динамика занятости на крупных и средних предприятиях ... демонстрировала удивительную устойчивость по отношению к любым внешним шокам, ... несмотря на то, что вначале шоки были в основном сильно негативными, а затем, поменяв знак, стали положительными» [2. С. 23]. С нашей точки зрения, «удивительную устойчивость» занятость в корпоративном секторе в целом и на крупных и средних предприятиях показывает в отношении позитивных шоков, подтверждением чего является разнонаправленная динамика показателей объемов производства и численности занятых. Однако в период

трансформационного кризиса занятость в секторе предприятий и организаций достаточно синхронно следовала за изменениями в выпуске продукции, что не позволяет столь категорично говорить об её негибкости (по численности).

К сожалению, достоверные и сопоставимые статистические оценки объемов производства продукции и оказания услуг в отдельных отраслях экономики практически отсутствуют, что делает невозможным расчет отраслевых показателей эластичности занятости. Исключение составляют промышленность и строительство, расчеты по которым дают весьма неожиданные результаты. Так, за 1992–1998 гг. объем промышленного производства сократился на 38,7 %, а численность занятых в промышленности за тот же период уменьшилась на 33,6 %. Таким образом, эластичность занятости в промышленности, рассчитанной по численности работников, составляет 0,87. Аналогичные результаты дают расчеты по строительной отрасли, в которой объемы выполненных работ упали за 1992–1998 гг. вдвое (на 51,3 %), а занятость – более чем на треть (на 35,4 %). Эластичность занятости в строительстве составила 0,69. Иначе говоря, занятость и в промышленности, и в строительстве была весьма чувствительна к изменениям в объемах производства, сокращаясь практически пропорционально падению выпуска.

С 1999 г. объемы промышленного и строительного производства начали расти. За 1999–2006 гг. они увеличились в промышленности на 74,4 %, в строительстве – в 2,27 раза. Однако рост в этих отраслях не сопровождался соответствующим увеличением численности занятых. За этот период численность работников, занятых в промышленности, практически не изменилась, увеличившись всего на 1,2 %. Число занятых в строительстве выросло несколько больше – на 15,2 %, однако происходило это на фоне более чем двукратного увеличения объемов строительных работ. Рост промышленного и строительного производства без роста занятости, который к тому же происходит на фоне медленной технико-технологической модернизации, является косвенным подтверждением значительной трудоизбыточности этих отраслей российской экономики, как впрочем, и всей экономики в целом, накопленной в дореформенный и кризисный периоды.

В-третьих, показатель занятости, который допустимо и корректно сопоставлять с объемом произведенных товаров и услуг, определяется не только численностью занятых работников, но и продолжительностью отработанного ими времени. Однако традиционные оценки эластичности занятости исходят из показателя занятости, определенно-го как численность занятого населения, и не учитывают продолжительность рабочего времени. Такой подход к измерению эластичности занятости, как впрочем и её масштабов, является допустимым в условиях, когда продолжительность рабочего вре-

мени является стабильным показателем, не подверженным существенным колебаниям. В частности он применим для анализа ситуации в странах ЦВЕ, в которых показатели рабочего времени оставались практически неизменными на протяжении всего пореформенного периода. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в Польше, Венгрии, Словакии величина рабочего времени была стабильной на фоне высокой безработицы, составлявшей 11...14 %. Не изменилась продолжительность рабочего времени в Румынии и Чехии, при том, что уровень безработицы был там существенно ниже.

Иное дело ситуация в России: для сферы занятости в нашей стране в 1990–2000 гг. были характерны существенные колебания в продолжительности рабочего времени.

С началом реформ, реагируя на шоки трансформационного характера, российские предприятия начали сокращать не только численность занятых, но и продолжительность рабочего времени. В течение первой половины 1990-х гг. (с 1992 по 1996 гг.) среднее количество рабочих часов, отработанных за год, сократилось на 181 ч, или почти на 10 %. В результате в 1996 г. среднестатистический российский работник трудился более чем на месяц меньше, чем до начала реформ. По масштабам это сопоставимо с переходом с шестидневной на пятидневную рабочую неделю, осуществленным в СССР в начале 1960-х гг. Однако на этот раз сокращение рабочего времени было реальным, а не статистическим артефактом, как в те годы (тогда продолжительность рабочей недели, измеренной в часах, как и времени, отработанного 1 работником в течение года, не изменилась, т. к. одновременно с переходом на пятидневную рабочую неделю семичасовой рабочий день был заменен восьмичасовым).

Сокращение рабочего времени в России происходило под действием как институциональных, так и экономических факторов. На рубеже 1980–1990-х гг. была законодательно уменьшена продолжительность стандартной рабочей недели (с 41 до 40 ч.), увеличена минимальная продолжительность отпусков (с 18 до 24 рабочих дней), возросло число праздничных нерабочих дней (появились общенациональные «каникулы» в начале января), расширен круг работников с льготными режимами рабочего времени. На долю вышеперечисленных факторов пришлось около пятой части суммарного сокращения рабочего времени. Таким образом, доминирующими, несомненно, были факторы экономического характера – тяжелое производственное и финансовое положение предприятий, которые в 1990-е гг., особенно в первую их половину, активно использовали в отношении своего персонала административные отпуска и вынужденные переводы на неполное рабочее время.

Размер фонда отработанного рабочего времени и величина его потерь за годы реформ существенно варьировались как в те годы (тогда ашение рабочего

времени было реальным, а статистическим фактом, осуществленным в СССР в начале 1960-х гг. по отраслям экономики. Наиболее значительное снижение отмечается в производственном секторе. Максимальное сокращение произошло в строительстве – за 4 года (1992–1996 гг.) на 306 ч (т. е. на 38 рабочих дней), или на 16 %. В промышленности время, отработанное 1 работником, сократилось за тот же период на 221 ч (на 13 %), что эквивалентно 28 рабочим дням. Продолжительность рабочего времени в сельском хозяйстве была на протяжении всего анализируемого периода максимальной, а снижение – на уровне среднего для всей экономики. Сокращение времени работы в меньшей степени затронуло бюджетные отрасли: в здравоохранении и образовании оно составило около 10 %. Продолжительность рабочего времени в торговле упала в наименьшей степени (менее чем на 8 %).

Начавшийся экономический рост вызвал увеличение отработанного времени. В целом по экономике прирост составил 5 %. Поскольку основным двигателем роста была промышленность, то здесь отмечается наибольший прирост фонда времени – 228 час, или 15 %. В настоящее время по этому показателю промышленность вышла на до-реформенный уровень. В других отраслях увеличение рабочего времени шло более медленными темпами, в результате его продолжительность остается более низкой (на 7...9 %), чем до начала реформ.

Таким образом, колебания в продолжительности рабочего времени сыграли существенную роль в адаптации российского рынка труда и сферы занятости к трансформационному кризису. Результаты анализа позволяют нам полностью согласиться с утверждением Р.И. Капелюшника, что «с точки зрения изменений в продолжительности рабочего времени российский рынок труда демонстрировал нетипично высокую эластичность» [3. С. 16]. С учетом этого обстоятельства, оценивая гибкость занятости на макроуровне, мы не можем игнорировать фактор рабочего времени. Именно поэтому для оценки гибкости занятости на макроуровне мы предлагаем использовать не только «традиционный» показатель её эластичности, рассчитанный по численности занятых лиц, но и показатель эластичности, в котором занятость рассчитывается по совокупным затратам труда.

Совокупные затраты труда определяются как:

$$ЗТ_{\text{сов}} = ЧЗН \times ВР,$$

где $ЗТ_{\text{сов}}$ – совокупные затраты труда; ЧЗН – численность занятого населения, чел; ВР – время, отработанное 1 работником, ч/год.

Очевидно, что динамика совокупных затрат труда учитывает изменения и численности занятого населения, и продолжительности рабочего времени. В результате показатель занятости, рассчитанный по совокупным затратам труда, обеспечивает учет реальных размеров трудовых затрат, сопоставимых с объемом ВВП. Исходя из аналогичных

соображений ОЭСР в Руководстве по измерению производительности труда на уровне отрасли и агрегированном уровне, принятом в 2001 г., рекомендуется в качестве статистической переменной для измерения занятости использовать не численность занятого населения, а фактическое количество отработанных часов и количество занятых в эквиваленте полной занятости. При этом эквивалент полной занятости – это условно-расчетный показатель, который соответствует численности занятых из расчета полной рабочей недели.

Эластичность занятости, рассчитанная по совокупным затратам труда, определяется как $\Theta = \Delta ZT_{\text{сов}} / \Delta ВВП$, где $\Delta ZT_{\text{сов}}$ – изменение совокупных затрат труда, в %; $\Delta ВВП$ – изменение ВВП, в %.

В таблице представлены расчеты эластичности занятости, выполненные по показателям численности занятого населения и по совокупным затратам труда.

Выполненные альтернативные оценки эластичности занятости позволяют нам усомниться в справедливости утверждения о том, что занятость в российских условиях крайне слабо реагировала на текущую экономическую конъюнктуру. *Во-первых*, эластичность занятости по отношению к изменениям в выпуске существенно различалась в отдельных секторах и отраслях экономики. В тех из них, где кризисные процессы имели наибольшую остроту и глубину, гибкость занятости была существенно выше, чем в целом по экономике. Об этом свидетельствуют показатели эластичности занятости в корпоративном секторе, в сегменте крупных и средних предприятий, в промышленности и строительстве. *Во-вторых*, в отличие от большинства постсоциалистических стран, в которых адаптация

занятости достигалась главным образом в результате гибкости численности работников, в России реакция занятости на изменения объема выпуска обеспечивалась за счет изменения и численности занятых, и продолжительности рабочего времени.

Таблица. Эластичность занятости, рассчитанная по численности и по совокупным затратам труда

Показатели эластичности	Кризисный период (1998–1992 гг.)	Период роста (2006–1998 гг.)
Численность занятости в целом по экономике (по балансу трудовых ресурсов)	0,40	0,08
Занятость по совокупным затратам труда в целом по экономике (по балансу трудовых ресурсов)	0,66	0,14
Численность занятости в целом по экономике (по ОНПЗ)	0,61	0,26
Занятость по совокупным затратам труда в целом по экономике (по ОНПЗ)	0,86	0,33
Численность занятости в корпоративном секторе	0,80	-0,10
Занятость в корпоративном секторе по совокупным затратам труда	1,03	-0,04
Численность занятости в промышленности	0,87	0,02
Занятость в промышленности по совокупным затратам труда	1,04	0,17
Численность занятости в строительстве	0,69	0,12
Занятость в строительстве по совокупным затратам труда	0,88	0,20

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневецкая Н.Т., Гимпельсон В.Е., Захаров В.С. и др. Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.). – М.: ТЕИС, 2002. – 352 с.
2. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 575 с.
3. Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: мы не как все // Какой рынок труда нужен российской экономике? Перспективы реформирования трудовых отношений: Сб. статей. – М.: ОГИ, 2003. – 128 с.

Поступила 29.10.2008 г.